

СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ?

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге, которая лежит перед читателем, я хотел бы обсудить с единомышленниками и оппонентами некоторые из проблем, относящихся к трудной судьбе социалистической идеи и социалистической практики в России. Это не первая книга автора по проблемам социализма. В начале 70-х годов во многих странах издавалась моя книга «Социализм и демократия», которая была написана в конце 60-х годов и содержала анализ проблем советского общества с позиций независимого социалиста и демократа. На русском языке эта же книга была издана в 1972 году Фондом им. Герцена в Амстердаме под названием «Книга о социалистической демократии». В 1981 году в Лондоне была издана на английском языке моя книга «Ленинизм и западный социализм», в которой я продолжил анализ некоторых проблем советского социализма. В новой книге я продолжаю эту работу, но уже с учетом тех драматических событий, которые были связаны с разрушением Советского Союза и крушением КПСС. Первый вариант этой книги я подготовил еще в 1996 году для узкого круга активистов Социалистической партии трудящихся — СПТ, в которой я был одним из семи сопредседателей. Она была распространена среди друзей всего в 150 экземплярах. Второй вариант книги я подготовил для китайских товарищей после участия в большой Международной конференции по проблемам социализма, которая была проведена Пекинским университетом в январе 2002 года. Книга была издана в 2003 году в Китае и на китайском языке под названием «Историческая судьба социализма в России». Теперь я подготовил третий вариант этой книги. Моя книга — это в большей мере обзор произошедших в СССР и в России событий, а также наших, главным образом московских, дискуссий по проблемам социализма. Для более глубокого исследования проблем социализма нам не хватает знания того огромного и разнообразного опыта, который был накоплен в XX веке социалистами, социал-демократами и коммунистами в десятках стран мира и который по многим направлениям оказался более успешным, чем наш советский и российский опыт. Социализм в разных формах наступает сегодня со всех сторон, и те опасности, трудности и угрозы, которые возникают перед всем человечеством с развитием техники, науки, экономики, с возникновением новых противоречий между разными регионами и цивилизациями,

невозможно эффективно преодолеть без использования идей и методов, которые разрабатываются и предлагаются социалистами разных стран и разных направлений. Социализм и социалистическая идея актуальны сегодня и для России, которая ищет свой путь и свое новое место в мире, а также в постсоветском пространстве. Коммунистические лидеры прошлых десятилетий имели претензию учить всех «правильному», «истинному», «единственно верному» учению о социализме. Их поражение не должно, однако, отвратить нас от великих и благородных идей справедливости, солидарности, свободы и общественного блага, которые лежат в основе социалистического идеала. Именно этими соображениями я руководствовался, когда работал над своей книгой.

Москва, 6 марта 2005

СОЦИАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ИДЕЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ

«ЗАГАДКА ВЕКА»

К началу 80-х годов советское общество было уже тяжело больным социальным организмом. Однако правящая элита не понимала его болезней, не знала, как их лечить и даже скрывала все более и более зловещие симптомы. «Мы плохо знаем общество, в котором живем», — это сказал Юрий Андропов вскоре после того, как он возглавил КПСС и СССР. А всего через десять лет и Советское государство, и КПСС были мертвы. Обрушилась и мировая социалистическая система, и все то, что мы называли мировым коммунистическим движением. Такой ход событий оказался полной неожиданностью не только для сторонников, но и для противников социализма и коммунизма. Политические противники Советского Союза десятилетиями боролись против «коммунистической угрозы». Но и они не ожидали, что крушение КПСС, СССР и Варшавского договора произойдет столь стремительно и без больших усилий с их стороны. В книге Зб. Бжезинского «Большой провал», вышедшей в свет в 1989 году, автор утверждал, что коммунистический режим в СССР доживает последние годы или десятилетия. Автор рисовал при этом разные сценарии реформации или демонтажа коммунизма. Не исключал Бжезинский и возможности неожиданного и быстрого распада Советского Союза, но считал все же такой исход наименьшей вероятностью¹. Неожиданность, однако, это не синоним случайности. Было бы ошибочным связывать крах КПСС прежде всего с деятельностью ее лидеров времен перестройки, забывая при этом всю предыдущую деятельность ее руководства, ее противоречивую историю, ее идеологию и политику, организационную структуру, а также положение партии в системе Советского государства и в жизни общества. Было бы ошибочным связывать разрушение СССР только с решениями, принятыми в Беловежской пуще, забывая сложную историю Советского Союза, его структуру и проводимую его правителями экономическую, социальную и национальную политику.

Нетрудно доказать, что указы о запрещении КПСС и о конфискации имущества и средств партии не опирались на законы страны. Но почему в августе или в ноябре

1991 года, когда наносились эти удары по КПСС, в стране не было по этому поводу ни одной забастовки, даже ни одного митинга протеста? Мне неизвестны случаи, чтобы рабочие и служащие да и все другие члены КПСС и «беспартийные коммунисты» приходили для защиты своих райкомов, горкомов или обкомов партии. Огромные толпы людей, собравшиеся 23 августа 1991 года на Старой и Новой площадях в Москве — у зданий ЦК и МКК КПСС, намеривались не защищать, а готовы были помочь захвату и разгрому находившихся там центров партийной и государственной власти. Да и через полтора года, когда решения Конституционного суда Российской Федерации открыли возможность восстановления легальной деятельности Компартии России, в ее ряды вернулось немногим более пяти процентов от численного состава КПСС на территории РСФСР. В последующие годы численность КПРФ не увеличивалась, а сокращалась, как уменьшался и ее электорат.

Как историка меня поражает сходство между событиями осени 1991 года и весны 1917 года, когда всего за несколько дней в России рухнули и 800-летний самодержавный режим, и 300-летняя династия Романовых. Есть очевидное сходство между отречением от престола Николая Второго и отречением от лидерства в КПСС Михаила Горбачева, между попыткой генерала Корнилова установить в стране военную диктатуру и попыткой путча ГКЧП. Почему не встали на защиту престола сотни тысяч дворян-офицеров, присягнувших этому престолу на верность, почему они не смогли поднять на защиту монархии ни 10-миллионную армию, ни миллионное казачество? Почему бездействовало и молчало 300-тысячное духовенство? Уже к концу 1917 года все эти силы были сметены партией большевиков, которая к началу этого года не имела в своих рядах и 40 тысяч членов, и руководство которой находилось или за границей, или в сибирской ссылке. Но кто шел еще в начале 1991 года за пестрой коалицией партий, называвшей себя «Демократической Россией»?

В 1917 году большая часть рабочего класса России поддержала большевиков и образовавшееся после революции Советское государство определялось в документах партии как диктатура пролетариата. Рабочий класс и в последующие десятилетия считался главной опорой КПСС. Но как вел себя российский рабочий класс в 1990—1991 гг.? Рабочее движение возникло у нас в стране в годы перестройки, и хотя

оно охватило лишь меньшую часть рабочих, оно уже в 1989 году стало заметным фактором общественной жизни. Но это движение было направлено против власти и против КПСС. Достаточно вспомнить о лозунгах и забастовках шахтеров в Кузбассе, Донбассе и Воркуте. То обстоятельство, что именно рабочий класс отказал в доверии коммунистам в самый трудный момент, известный левый публицист Сергей Кара-Мурза называл «загадкой века». «По какой-то неведомой причине недоумевал, — С. Кара-Мурза, — в массе рабочих России вызрело убеждение, что разрушение советского строя и отказ от солидарности с КПСС будут рабочему выгодны. Почему люди так подумали — это загадка века. Никто пока не дал ей вразумительного объяснения». Сама статья С. Кара-Мурзы называлась «Самораспад гегемона»².

Очень был обижен С. Кара-Мурза и на крестьян, на служащих да и на все 400-миллионное население стран СЭВ и Варшавского договора. «Это были, казалось бы, нормальные люди, а теперь побрели, как слепые в пропасть». Однако в таком поведении народа России не было особой загадки, оно было закономерным результатом всей политики и всей «воспитательной работы» КПСС. Положение народных масс в России и через 70 лет после Октябрьской революции было очень тяжелым, и хотя КПСС называла себя «авангардом рабочего класса», руководство партии сознательно культивировало в народе политическую пассивность, давя молотом репрессий почти все проявления политической активности и самостоятельности рабочих, крестьян и интеллигенции. Наш народ не был слепым, но именно поэтому от него многое скрывали, и он мало что мог понять. Это как раз и устраивало его поводырей, которые, как оказалось, мало что понимали в реальной обстановке и сами. Производственные коллективы не могли стать в Советском Союзе субъектами политики, а профсоюзные и партийные организации на предприятиях превратились во многих отношениях в органы надзора и даже подавления. Что должны были защищать в 1991 году шахтеры Донбасса и Кузбасса, металлурги Урала и машиностроители Брянска? Жизнь этих людей все еще была крайне тяжелой, а противники КПСС, выступая против партocrats, не скупилась на обещания. Вот почему «гегемон» и молчал, когда для лидеров КПСС наступили их самые трудные дни. Ничего не могла сделать и гигантская система партийной агитации и пропаганды с ее сотнями тысяч агитаторов

и пропагандистов, ученых и учителей, писателей и журналистов. Вся эта огромная машина, на содержание которой расходовалось не меньше средств, чем на армию и вооружение, вращалась, как выяснилось, на холостом ходу. Пропаганда слишком расходилась с реальной жизнью, чтобы рабочие могли ей поверить. Кадровый рабочий и ветеран Отечественной войны Л. А. Озябкин, размышляя в 1993 году о поведении рабочего класса в 1991 году, писал:

«Над всеми нами кошмаром висели ошибки и преступления руководящих невежд и авантюристов прошедшего периода. Многие люди просто не понимали, что марксизм и социализм были извращены, а идеалы революции преданы.

Наш рабочий класс раскололся на продажную рабочую аристократию, деклассированную часть и рабочих, которые составляли большинство армии труда и которые в той или иной мере утратили сознание коллективизма и ответственности за общее дело. У нас и сейчас многие не хотят ни социализма, ни капитализма и говорить с ними о насильственном возврате к прошлому не только бессмысленно, но и преступно. Сегодня массы рабочих за коммунистами уже не пойдут»³.

С терминологией Л. Озябкина можно не соглашаться, но настроение рабочих он знает хорошо.

Не было забастовок и манифестаций и в знак протеста против соглашений в Беловежской пуще о ликвидации СССР. А ведь референдум о сохранении СССР был проведен еще 17 марта того же 1991 года. Но это было пассивное голосование, за которым не стояло ни политической воли лидеров КПСС, ни активной политической воли народа. Иначе Верховные советы союзных республик не смогли бы столь единодушно голосовать за ратификацию соглашений об СНГ. Не слишком прочным оказалось как «нерушимое единство партии и народа», так и «союз республик свободных», который «сплотила навеки великая Русь». Дружба и сотрудничество советских народов не были мифом, как не была мифом и концепция о советском народе, как новой общности людей и его морально-политическом единстве. Но крепость этого единства была еще недостаточной, чтобы противостоять неожиданно возросшему давлению радикального национализма и сепаратизма.

Конечно, и «зарубежная закулиса», как и вполне открытые антикоммунистические центры должны быть здесь помянуты.

Холодная война против СССР не была мифом, это была тщательно планируемая и щедро финансируемая политическая, экономическая и идеологическая борьба двух систем. Была и изнурительная гонка вооружений, и борьба за влияние на всех континентах. Но, во-первых, эта борьба была взаимной, и можно назвать немало периодов, когда преимущество находилось на стороне Советского Союза. Эта борьба в иных формах началась уже в 1918 году, и Великая Отечественная война была лишь одним из самых острых ее эпизодов. Пока Советский Союз был мощной и относительно здоровой государственной и общественной системой, эта борьба не наносила ему существенного ущерба. Но когда фундамент нашего государства ослаб, оно не выдержало давления извне, как и воздействия не слишком сильных центробежных сил. Большинство западных центров и не скрывали своих целей, призывая, подобно Рональду Рейгану, разрушить советскую «империю зла». И когда Советский Союз распался главным образом в силу внутренних причин, западные лидеры спешили закрепить результаты этого неожиданного для них «успеха», дружески похлопывая при этом по плечу и президента Б. Ельцина, и президента Украины Л. Кравчука, и экс-президента СССР М. Горбачева.

Сказанное выше не означает, что СССР и КПСС являлись слабыми и немощными структурами. Они потеряли гибкость, они опирались на устаревшую и консервативную идеологию, они возглавлялись слабыми лидерами. Но во многих других отношениях СССР и КПСС сохраняли и в 1991 году прежнее могущество. Высшие органы партийно-государственной власти в нашей стране продолжали опираться на самую многочисленную и сильную в мире организацию государственной безопасности, на могучую армию, на громадную систему государственной экономики. Они имели в своих руках как разветвленную сеть средств массовой информации, так и многие другие институты власти и влияния. Народ страны не отвергал идею социализма и не стремился ни к какой «капиталистической революции». Однако очень многое в нашем государстве держалось в первую очередь на насилии над обществом, а также на фальсификации и обмане. Советское общество и советское государство были построены за «железным занавесом», в изоляции, они были лишены демократических институтов и традиций и потому оказались недостаточно конкурентоспособны в условиях научно-технической и информационной революции конца XX века. Наше

государство не допускало инакомыслия и оппозиции, оно грубо отвергало любую критику, идущую и извне и изнутри, оберегая с помощью репрессий нашу политическую стерильность. В результате и общество, и государство постепенно лишились иммунитета от многих болезней, с которыми сравнительно легко справлялись другие общественные и государственные системы. Громадная страна могла жить и развиваться лишь в тщательно изолированной и искусственной среде, подобно тому, как лишенный иммунных систем организм может существовать лишь под стеклянным колпаком и на искусственной пище.

Однако вторая половина XX века стала временем такого мощного и все более ускоряющегося развития производительных сил, которое требовало и иных производственных отношений, и иной «надстройки». Уже в 60—70-е годы XX века Советский Союз и советский социализм оказались в ситуации, которая была сходна с ситуацией, в которой оказался европейский капитализм во второй половине XIX века и которая нашла свое адекватное отражение в марксизме: у нас в СССР в гораздо большей степени, чем в США и Западной Европе, обострились противоречия между базисом и надстройкой, между производственными отношениями и производительными силами. В мире новых технологий и в условиях глобализации, в эпоху персональных компьютеров и интернета, мобильных телефонов, ксероксов и электронной почты Советский Союз с его прежними политическими и идеологическими системами был обречен на быстрое отставание и поражение. Стагнацию и деградацию можно было бы продлить на два-три десятилетия. Но тогда и крушение было бы более тяжелым и разрушительным.

Кризис экономической и политической системы СССР начал отчетливо обозначаться еще в середине 60-х годов, что вызвало к жизни не только движение диссидентов, но и попытки разработки и проведения некоторых реформ, получивших наименование «косыгинских». Однако догматическая часть партийно-государственного руководства взяла верх над группами более здравомыслящих экономистов и политиков. В результате были подавлены не только все течения политического и идейного инакомыслия, но и разумные экономические инициативы «в рамках системы».

Заканчивая свою «Книгу о социалистической демократии», я писал в 1969 году: «Наше общество и нашу идеологию можно сравнить со зданием, которое продолжает

расти вверх, наращивая этажи, несмотря на то что многое в основании этого здания в силу различных причин устарело, обветшало и даже подгнило. Крепкие опоры еще есть, но их становится все меньше и меньше. Излишне говорить насколько опасно для страны такое ослабление основ нашего общественного здания. Имеется, однако, немало людей в руководстве партией и государством, которые не хотят видеть никаких трещин в фундаменте нашего общества и не желают заменять его обветшавшие части. Имеются, впрочем, у нас и такие люди, которые хорошо видят многие недостатки и трещины в фундаменте нашего здания... и которые требуют немедленно убрать все ослабевшие или треснувшие опоры нашей общественной системы, хотя у этих людей нет ни материалов, ни идей, способных заменить устаревшие части фундамента, которые хотя и плохо, но все же удерживают наше огромное и продолжающее расти вверх здание. Нам предлагаются лишь какие-то временные и еще не испытанные на прочность подпорки. А то обстоятельство, что после подобной замены все здание может рухнуть, не слишком беспокоит этих решительных людей. Но мы не можем разделить этих позиций и предложений. Не закрывая глаза на недостатки и пороки нашего общества, мы должны достаточно быстро, но вместе с тем с величайшей осторожностью заменять устаревшие части фундамента, определяя на их место нечто гораздо более прочное и надежное. Одновременно должны проводиться работы по улучшению жизни на всех этажах нашего общественного здания. Вся эта деятельность может быть только постепенной и последовательной, здесь трудно рассчитывать на какой-то быстрый и решительный поворот. Новое может быть создано лишь из того человеческого и иного материала, который был накоплен на прежних этапах общественного развития. Иными словами, нас ждет кропотливая и трудная работа, которая и составляет, по нашему мнению, главную задачу демократического движения, возникшего среди здоровой части партии»⁴. В начале 70-х годов моя книга была издана не только в Западной Европе и США, но также в Японии и в Латинской Америке. Однако в Советском Союзе эта книга привлекла внимание лишь нескольких моих друзей и КГБ⁵.

Реформаторы пришли к власти в СССР и в КПСС только во второй половине 80-х годов. Однако начатые ими преобразования оказались, противоречивыми, непоследовательными и непродуманными. Реформы начались не с осторожного укрепления фундамента и несущих

конструкций, а где-то на верхних этажах здания. К тому же они проводились очень недружной, не очень сильной и малокомпетентной командой. При этом сохранялась как непомерная централизация, так и субъективизм, которые многократно увеличивали масштабы ошибок. Работа этой реформаторской команды не смогла преодолеть, но кое в чем даже усилила опасные диспропорции в советской экономике между промышленностью и сельским хозяйством, между тяжелой и легкой промышленностью, между военно-промышленным комплексом с его наукоемкими отраслями и многими другими отраслями народного хозяйства, мало продвинутыми в научно-техническом отношении. Амбициозные начинания конца 80-х годов привели к быстрому росту государственных расходов, внешнего и внутреннего долга и к ухудшению материального положения трудящихся. Это в свою очередь быстро размыло и без того не слишком прочную и массовую поддержку реформаторов. Слова о кризисе, справедливые для конца 60-х и 70-х годов, оказались еще более актуальными в конце 80-х годов. Справиться с этим кризисом руководство страны и партии не смогло, и в обществе стали доминировать стихийные процессы, ведущие к дезинтеграции и расколу. Итоги известны. Они стали закономерным результатом ошибочной, а во многих отношениях даже авантюристической политики предшествующих десятилетий, хотя многие теоретики и публицисты КПРФ и других радикальных левых партий об этих итогах продолжают говорить и писать как о «загадке века».

А БЫЛ ЛИ СОЦИАЛИЗМ?

Неожиданное и быстрое крушение коммунистических режимов в СССР и в странах Восточной Европы снова сделали социализм и как идею, и как общественный строй предметом полемики и политической борьбы. Решительная критика как сталинского тоталитаризма, так и более поздних авторитарных систем быстро переросла у нас в стране в критику марксизма и ленинизма, а затем и самой идеи социализма. По мнению популярных публицистов «перестройки» Александра Ципко и Ларисы Пияшевой, идея социализма являлась лишь «боковой», маргинальной и малозначительной идеей XIX века. Поэтому она неправомерно заняла столь большое место в жизни XX века. Это была странная попытка оспорить идеологический и политический выбор не менее чем трети человечества,

решившего идти дальше по пути социализма. Нетрудно убедиться в том, что в XIX веке социализм не был каким-то мощным идеологическим движением. Однако тупик, в который зашел мировой капитализм в первой половине XX века, две мировых войны, фашизм, колониализм и империализм, — все это закономерно выдвинуло социализм и как идею, и как практическую задачу, и как альтернативу капитализму в сознании народов многих стран мира.

Известно, что в России идеи социализма были связаны не только с именами Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. К идеям и концепциям социализма с уважением относились и такие крупнейшие русские философы и мыслители, как Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, К. Лосский, В. Розанов, Г. Федотов, П. Флоренский, С. Фрэнк, Л. Шестов и некоторые другие, хотя никто из них не считал себя марксистом. Российский публицист Г. Тульчинский писал об этом с большим сожалением. Все эти люди, — писал Г. Тульчинский, — глубоко заблуждались. «В работах Ф. фон Хайека, К. Поппера, М. Вселенского, М. Джиласа, И. Шафаревича достаточно убедительно и с различных позиций раскрыт смысл социализма не только как несостоятельной практической программы, ведущей общество в исторический тупик, но и как самопротиворечивой теоретической концепции. Мы поэтому должны отказать социализму в самостоятельной правоте»⁶. Сегодня в Москве можно приобрести и прочесть работы всех указанных Г. Тульчинским авторов и убедиться — чьи доводы являются более обоснованными. Критика социализма звучала и в XIX веке, но почти все противники этой идеи критиковали обычно какую-то собственную концепцию социализма.

Сомнения в правоте и достоинствах социализма не только как несовершенной практики, но и как идеи охватили в самом конце XX века даже многих приверженцев социализма. Это вызвало тревогу у людей, которые продолжают считать себя социалистами. Российский философ и публицист Григорий Водолазов писал: «Увы, и рукописи горят, и прекрасные идеи довольно часто гибнут, не оставляя и следа. Социалистической идее, одной из древнейших и великих политических идей, угрожают сегодня три главные опасности. Первая исходит от ее прямых недругов вторая от «друзей», что хуже недругов, и третья от неумения ее сторонников придать этой идее новые, соответствующие нашему времени очертания, перевести ее с языка горных вершин идеологических абстракций на язык конкретных

политических программ. Нельзя позволить умереть великой идее!»⁷ «Социализм, — развивал ту же мысль философ Александр Бузгалин, — переживает кризис, но не крах. Для преодоления этого кризиса нужно осмыслить героический и трагический опыт борьбы за социализм в XX веке и выработать новую теорию и стратегию, выдвинуть новые левые идеи, достойно отвечающие на вызовы третьего тысячелетия»⁸. Но чтобы выдвинуть новые концепции и политические программы социализма, надо посмотреть, что произошло с прежними концепциями и программами. Какой социализм был построен в СССР, и было ли советское общество социалистическим?

Социализм был построен в Советском Союзе, — утверждали одни авторы, — и этот социализм был вполне адекватен идеям Маркса и Ленина. Но он был ужасен. «В России родился именно социализм, — заявлял один из наиболее радикальных московских публицистов начала 90-х годов А. Шер. — И этот ужасный строй полностью отвечал определениям социализма. Понятие “сталинизма” — это жульнический термин-громоотвод, придуманный для того, чтобы свалить вину социализма на одного злоумышленника — Сталина, который был типичным продуктом системы. Вину за зверства сталинизма несут утописты, коммунисты, социалисты, анархисты всех стран, породившие коварные идеи коллективизма. Виноваты все левые властолюбцы, карьеристы, фанатики, попутчики, а также наивные рабочие и крестьяне, виноваты идеалисты, поверившие в сказки о будущем рае, виноваты сартроиды, отравлявшие мозги ложью социализма и защищавшие красное чудовище, — вся та многочисленная армия заблуждения, зависти и честолюбия, которая навязала социализм России, Китаю, Югославии, Кубе, Албании, Гвинее, Алжиру, Ираку и распространяла по всему миру яд коллективизма»⁹. Даже такой убежденный и решительный противник всех видов и форм социализма, как Игорь Шафаревич, был мягче. Он соглашался с тем, что советский социализм полностью отвечал идее социализма, которая является воплощением античеловеческих и антигуманных сил, существующих издревле. Именно социализм в России пытался уничтожить семью и религию, частную собственность и индивидуальность. Но люди невинны во временных победах социализма. «Социализм вечен и неизбежен, как неизбежна борьба жизни со смертью.

И люди, охваченные социалистической идеологией, столь же мало руководствуются осознанно этой целью»¹⁰.

Были, конечно, и прямо противоположные суждения. Социализм был построен в Советском Союзе, и это было замечательное достижение. Как писала в одном из марксистских журналов Елена Ткачева: «Еще до войны наша страна преодолела безграмотность и духовное рабство народа перед господами. Уже 30-е годы были в СССР золотым веком таланта и трудолюбия. У нас были театры и артисты, музыканты и писатели, художники и спортсмены такого дарования, какого не знала ни одна западная цивилизация. Все это было результатом того, что строительство социализма шло у нас под руководством И. В. Сталина, который убирал целые слои паразитов — биржевиков и банкиров, коммерсантов и других кровососов, которые процветают при капитализме. Наши деды и отцы строили общество социальной справедливости, и это вызывало глубокое уважение к Советскому государству лучших людей западных стран»¹¹. Однако Сергей Кара-Мурза считал, что не при Сталине, а после его смерти начался «золотой век» советского социализма. «Надо честно сказать людям, — утверждал он, — так хорошо жить, как во время послесталинского советского социализма, большинство наших граждан не будет очень долго, и возможно, никогда. Советский социализм в целом был уникальной, чудесным образом достигнутой точкой во всем пространстве социально-экономических ситуаций. Сейчас даже трудно объяснить, как нас занесло в эту точку — настолько маловероятно было в нее попасть. Мы должны преклониться перед русским народом первой половины XX века. Он самоотверженно, на своих костях построил доброе, спокойное, экономное и щедрое общество. Хозяйство в нем было необычайно, необъяснимо эффективным. Множество сил объединилось, чтобы нас с этой точки столкнуть, и это удалось»¹².

Я хорошо помню и сталинское и брежневское время в жизни советского общества, и я не могу разделить восторгов ни Е. Ткачевой, ни С. Кара-Мурзы. Я не могу, конечно, поддержать и гневных тирад И. Шафаревича и А. Шера. Я верил в социализм, но не был никогда удовлетворен положением дел в советском обществе.

Выше я привел крайние точки зрения, у которых вряд ли найдется много сторонников. Чаще приходится встречать другое утверждение: никакого социализма в Советском Союзе не было построено ни как общественной

и экономической системы, ни как народного или пролетарского государства. Один из создателей концепции «развитого», потом и «реального» социализма в СССР Анатолий Бутенко утверждал теперь во многих публикациях, что никакого социализма в Советском Союзе не было. «Ни один уважающий себя социолог или политолог никогда не назовет социализмом строй, который был построен в СССР, — заявлял А. Бутенко. — Никакого социализма: ни гуманного, ни демократического, ни с человеческим лицом, ни без него, ни зрелого, ни незрелого у нас никогда не было. Это была бюрократическая система, в которой и средства производства, и политическая власть отчуждены от трудящихся»¹³. С А. Бутенко был согласен и философ Игорь Чубайс, приверженец русской идеи, выступающий и против коммунистов, и против либералов, возглавляемых его младшим братом А. Чубайсом. По утверждению И. Чубайса, иностранные захватчики не нанесли СССР такого урона, какой нанесла советская власть. Коммунистическая власть уничтожила живую душу России — ее церкви, ее монастыри — источники отечественной культуры, чтобы на место выкорчевываемой русской идеи вбить идею коммунистическую. Это была катастрофа, превзошедшая по своим масштабам даже кошмар холокоста, хотя все это и по сей день скромно называют «незаконными репрессиями периода культа личности». Но это не было социализмом. Относительно проводившейся в годы перестройки дискуссии замечу, что в СССР не было никакого социализма — ни подлинного, ни развитого, ни с некоторыми искажениями.

Но если в СССР не было социализма, то какое общество и какая социально-экономическая система была построена и в течение 70 лет существовала в нашей стране? Разные авторы называют ее по-разному: азиатским способом производства, государственным капитализмом, бюрократическим капитализмом, просто тоталитаризмом. Философ Ю. И. Семенов называл советский общественный строй политаризмом¹⁴, то есть господством не народа, а чиновников. Макс Шахтман писал о бюрократическом коллективизме или о бюрократическом капитализме. Социолог А. Тарасов называл советский строй этатизмом или «суперэтатизмом»¹⁵.

В посмертно изданной монографии одного из самых крупных советских обществоведов Я. А. Кронрода для обозначения советского строя вводился термин «соцолитархизма». «Это общественное новообразование, —

утверждал автор, — которое выпадает из общей генеральной цепи исторического развития и заключает в себе существенные элементы паразитизма и загнивания. Структура эта представляет собой антагонистически противоречивое соединение формально социализированного базиса с господством соолигархии, которая паразитирует на этом базисе, присваивая себе все большую часть общественного продукта, все глубже и глубже деформируя базис и направляя его эволюцию в сторону перерождения в тупиковую историческую форму»¹⁶. Каких только терминов не предлагали разные авторы!

Милован Джилас называл советское общество «индустриальным феодализмом», а Михаил Вселенский — «государственным феодализмом». Политолог Олег Вите придумал термин «социальное промышленно-феодалное общество», социолог Овсей Шкаратан и юрист Георгий Шахназаров писали об «этатизме» и «тотальной идеократии». Греческий советолог К. Кострориадис писал о «стратократии», то есть об обществе, где правят военные. Философ Петр Абовин-Егидес называл советское общество «элитаризмом», или господством элиты. Одно из наиболее оригинальных наименований для советского общества придумал Вадим Флоров из Академии космонавтики. Он называл это общество «заслугизмом» или «меритизмом» (от английского *merit* — заслуга). Различного рода заслуги перед обществом выполняли, по мнению В. Флорова, функцию капитала, а все заслуженные люди или «заслугисты» выполняли роль собственников этого капитала. «В лице заслугистов бюрократия получила свою тотально-завершенную форму — заслугократии. Социально-политическая система, которая была выдана и принята за социализм, являлась по сути системой отношений частной собственности и эксплуатации. Мы будем называть ее заслугизмом»¹⁷.

Полемика по поводу наименования и определения природы советского общества нередко была связана с разным пониманием природы и определения самого социализма. Склонный к парадоксальным идеям философ Александр Зиновьев еще задолго до перестройки пытался доказать, что только советский социализм и может считаться подлинным, или «классическим» социализмом или даже «классическим» коммунизмом. При этом А. Зиновьев утверждал, что советский режим обладает не только множеством достоинств, но и невиданной прочностью, и поэтому не может погибнуть.

«На Западе, — отмечал А. Зиновьев, — много писали о старении советского социального строя. Суждения такого рода суть элементарная чепуха. Коммунистическое общество так стабильно, что в нем просто не могут развиваться силы, которые были бы способны разрушить его изнутри. Бессмысленно надеяться на какие-то радикальные перемены этого общества в сторону западных демократий, обусловленные внутренними потребностями коммунистических стран. Что касается стабильности в смысле целостности страны, то коммунистические страны развивают беспрецедентные в истории средства для этого»¹⁸. После неожиданного и быстрого распада СССР всего коммунистического лагеря А. Зиновьев изменил свои концепции очень незначительно и повторил приведенное выше утверждение¹⁹. Естественно, что разрушение СССР и других коммунистических режимов философу пришлось объяснять не внутренними, а внешними причинами.

Сегодня нет необходимости полемизировать с А. Зиновьевым, который во взглядах на советский коммунистический режим проделал противоположную по направлению эволюцию по сравнению с Александром Ципко или Александром Яковлевым. Советский коммунистический режим был очень прочным, но далеко не во всех отношениях, и это вполне объяснимо. Ни в XIX, ни в XX веках социализма не существовало в виде ясного и определенного проекта, и я об этом буду писать ниже. Его невозможно было поэтому строить по заготовленным заранее и многократно проверенным в теории и на практике чертежам, расчетам и схемам. Приходилось идти вперед путем проб и ошибок, набрасывая каждый раз лишь приблизительные рабочие эскизы. Неудивительно, что здание советского социализма оказалось не только не слишком красивым и привлекательным, не слишком удобным для его обитателей, но и не особенно прочным, хотя оно и выглядело весьма величественным или пугающим — в этих оценках люди могли расходиться. При нашей трудной истории в СССР и не могло быть какой-то завершенной или совершенной социалистической системы. Да и никто пока не знает — какой именно должна быть «образцовая» социалистическая система — она еще нигде не была создана — ни в теории, ни на практике. Тем не менее многие отношения, общественные институты и нормы жизни, которые принято считать социалистическими и о которых мечтали все социалисты XIX века, в СССР были созданы. Некоторые из них

перенимались даже в западных странах. Я согласен поэтому с историком и публицистом В. А. Миндолиным, который писал: «В самом деле, являются ли элементами социализма относительная социальная защищенность, включающая гарантии от безработицы, относительное социальное равенство, равные условия образования, бесплатное здравоохранение, государственная поддержка науки и культуры? Да, являются. Сегодня это любят называть социальным государством. Но теоретически и практически импульсы ко всему этому дала отнюдь не буржуазная благотворительность, пусть и государственная, не либерализм, а социалистическая мысль, социалистическое движение и деятельность советского государства после Октября 1917 года»²⁰.

«Был ли у нас в стране социализм? — спрашивал философ Георгий Шахназаров и отвечал: — На этот счет не может быть никаких сомнений. Поскольку в организацию советского общества был заложен принцип, который мы называем сегодня социальной защищенностью, то есть обеспечение минимума материальных и духовных благ каждому члену общества. Другой вопрос, насколько позволяли провести этот принцип в жизнь исторические условия развития Советского государства и в какой мере он был искажен при формировании нового бюрократического слоя и милитаризации страны. Нужно также принимать во внимание, что это была всего лишь одна из возможных моделей социалистического развития»²¹.

Такого же мнения придерживались и многие объективные западные исследователи. Так, например, известный польский социалист и участник движения «новых левых» Адам Шафф писал: «Правда находится в большом противоречии с теми упрощенными подходами, к которым прибегают мечтатели, чтобы увильнуть от критики социализма. Они утверждают, что режим, который не отвечает их идеологическим моделям, не есть социализм. Но ведь может существовать и деформированный режим, исторически искаженный, но возникший в итоге свержения капиталистических порядков, а значит, хотя бы этом смысле заслуживающий прилагательного “социалистический”. Так именно и обстоит дело со странами “реального социализма”»²².

Социализм как мировоззрение явно преобладал в сознании людей моего поколения, то есть людей, родившихся в 20-е годы и получивших образование и воспитание еще до войны, во время войны и после войны. Да, конечно, мы многого не

понимали и многое идеализировали, но были уверены, что в чем-то главном мы думаем и поступаем правильно. Уверен, что и для людей, родившихся в 30-е годы, социализм также был преобладающим мировоззрением. А ведь идеи, овладевшие умами десятков миллионов людей, это уже реальная общественная сила. Наш социализм был ограничен и примитивен, но он не был полностью ошибочен. И нет никаких оснований полностью от него отречься.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОЦИАЛИЗМА

В исследованиях по истории социализма и социалистических идей многие авторы начинают с очень давних времён. Мечты и мысли о справедливом обществе, в котором все люди будут жить без голода и нужды, где труд перестанет быть проклятием, где люди будут помогать друг другу, где не будет войн и убийств, где будет радостным детство и спокойной старость, возникали у людей ещё в античные времена, и они вошли почти во все религии. Некоторые из авторов находили признаки социализма в жизни ранних христианских общин: все члены этих общин были равны если не перед законом, то перед Богом. Сходные доктрины появлялись и в Древнем Китае, в Индии, на Арабском Востоке, в рамках конфуцианства, буддизма, даосизма, а позднее и мусульманства. Во времена Позднего Средневековья в Западной Европе появились новые развернутые гуманистические концепции, которые мы называем теперь утопическим социализмом.

Первым был в этом движении общественной мысли Томас Мор (1478—1535) с его золотой книгой о наилучшем устройстве государства и о новом острове «Утопии», которая вышла в свет на латинском языке в 1516 году. Более чем через сто лет и также на латинском языке вышла в свет книга другого великого утописта Томмазо Кампанеллы (1568—1639) — «Город Солнца». К началу XIX века это течение общественной мысли насчитывало уже много имен. Однако общий для него термин или понятие «социализм» появилось только в самом начале 30-х годов XIX века. В научный и политический оборот этот термин ввел Пьер Леру (1797—1871), французский философ, один из основателей христианского социализма, считавший себя последователем А. Сен-Симона. П. Леру основал в 1824 году газету «Глоб» («Le Globe»). В этой газете за 13 февраля 1852 года Тимур Тимофеев и встретил, по-видимому, первое употребление термина социализм²³. Уже в 1833 году упоминание

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru